

Мининкова Л. В.

Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание

Одно из новых направлений исторического исследования определяется интересом к проявлениям характера и особенностей культуры сообществ прошлого, смысловым и символическим их наполнением. В первую очередь относится это к эпохам, культурный код которых имеет принципиальное отличие от культурного кода европейской культуры нового и новейшего времени, основанной на рациональных началах. Это, прежде всего, средневековье с иным образом жизни общества и определяемых им системой ценностей и ментальностью, в том числе русское средневековье. Касается это отдельных феноменов культуры и, в частности, акций, принятых и распространенных в отношениях между разными субъектами данного общества. К таким субъектам относится личность, с которой в источниках связывается эта акция, или определенное сообщество или община, к которым она относится.

К достаточно распространенным и известным по источникам в ту эпоху акциям относится дар, который выступал при этом не сам по себе, но как выражение общественных и межличностных отношений, складывавшихся как комплексный результат социального и политического развития. Как традицию и характерную черту культуры рассматривал дары М. Блок на примере западноевропейского средневековья¹. Говоря о пирах и дарениях, И. Я. Фроянов подчеркивал, что в этих акциях «действовал преимущественно престижный фактор»², они должны были подчеркивать высокий общественный уровень как дарителя, так и того, кто получал этот дар. В статье, посвященной осмыслению пиров и даров в летописи в свете фольклорных и этнографических данных, В. Е. Ветловская отмечала: «Престижный характер княжеских пиров и дарений, а также утилитарно-политическая цель такого рода действий, судя по всему, действительно имела место»³.

¹ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 379.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 149.

³ Ветловская В. Е. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Проблемы отечественной и всеобщей

Рассматривая большую проблему генезиса феодализма в Западной Европе и анализируя социальные связи и их формы в варварских сообществах, развивавшихся по пути к феодализму, А. Я. Гуревич выделял дар в качестве одной из таких форм. Говоря о людях того времени, он указывал, что «обмен дарами имел в глазах этих людей магическую силу. Он представлял собой одно из средств социальных связей, наряду с браками, взаимными услугами, жертвоприношениями и культовыми действиями ... Обмен дарами служил средством поддержания регулярных контактов в обществе между составляющими его группами». Касаясь вопроса о конкретном способе дарения, А. Я. Гуревич указывал, что оно «принимало форму института "give and take"», или дары выступали как взаимные. Дар при этом выступал как часть богатства лица, приносящего его, но это богатство «не столько имело утилитарное значение, сколько являлось орудием социального престижа»⁴. Но переход от варварского общества к обществу раннефеодальному в эпоху раннего средневековья был постепенным. Поэтому едва ли удивительно, что и при наличии институтов, учреждений и традиций феодальной власти и феодальной системы социальная сущность даров, сложившихся в варварском обществе, долгое время сохранялась.

Сведения о дарах имеют распространение в источниках, относящихся к русскому средневековью. Они составляют один из институтов, который занимал свое место в рамках сложившейся в стране общественной системы и призван был подкреплять сложившиеся в ней отношения. Вместе с тем всякое упоминание о дарах в летописании представляло собой казусы, сложившиеся в конкретных условиях своего времени и призванные сыграть в них свою конструктивную роль, а также явление в духовной культуре и в культуре общественных и межличностных отношений своего времени. Анализ конкретного упоминания о дарах в домонгольской Руси в летописи, дает возможность не только уяснить содержание и сущность самих даров. Он позволяет более полно и глубоко понять характер общественно-политических отношений, в ходе которых появлялись эти дары, а также особенностей культуры, определявших их конкретное выражение.

истории. Вып.10. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Межвузовский сборник под ред. проф. И. Я. Фроянова. К 80-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1987. С. 58.

⁴ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 68.

Средневековое русское понятие о даре в наиболее полном и обобщенном виде нашло выражение в Повести о новгородском белом клобуке, которое было создано в окружении новгородского архиепископа Геннадия и опиралось на Житие императора Константина. Это произведение нередко приписывается известному книжнику конца XV – первой трети XVI вв. Д. Герасимову, при том, что об императоре Константине Великом было на Руси хорошо известно из греческих хроник еще в киевские времена, когда эти хроники являлись одним из источников создания Повести временных лет. Смысловое наполнение данной повести содержится в той части произведения, где говорится о стремлении императора Константина наградить римского папу Сильвестра за исцеление после того, как он серьезно заболел. «В седмое убо лето царства своего» император, говорил в произведении, «в словную прокажу впаде, уязвен бысть по всему телу острупив лежше, ед-ва дыша»⁵. Дары, во-первых, оказались выражением глубокой личной благодарности императора папе. Во-вторых, эти «многая благодарения» были даны императором «на церковные чины» и самому папе. Он для папы «создал достойный случаю сан», и даже «венець царский хотяше возложить на главу его»⁶, но папа его не принял как не соответствовавший его монашескому положению. Тогда царь приказал изготовить для папы белый клобук как религиозный символ и символ папской власти. Кроме того, через шесть лет после получения белого клобука в качестве императорского дара папа получил от императора другой, самый главный дар, которым являлся «великий Римъ». Сам же Константин после этого дара «преиде в Византию и созда град великъ и славен и нарече его во свое имя Костянтинград и живяше ту»⁷, перенеся столицу империи на Босфор. В результате, согласно повести, дар заложил основу новой политической ситуации в Европе. Рим превратился в церковную столицу христианского мира, а Константинополь стал центром вечной Римской империи.

Таким образом, понятие дара, которое присутствует в повести, свидетельствует о том, что оно могло иметь место в случаях, когда отношения между людьми, которые вели к акту дарения, строились на основе исключительной взаимной приязни. Она служила для появления этого акта важнейшим основанием. По своему конкретному наполнению дары могли быть направлены или самому лицу, с которым имел

⁵ Повесть о новгородском белом клобуке // ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 202.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Там же. С. 214.

дело даритель, или институту, с которым связан был получающий дар. В случае с императором Константином и папой Сильвестром таким институтом была христианская церковь. Что касается самих даров, то ими могли быть предметы, носившие символический характер и имевшие одновременно материальную ценность. Относилось это к белому клубуку, созданному трудом «ризощвецъ мудрейших, иже искусни суще утвари всякия плетенныя творити»⁸, и предназначенному для отправления в нем церковной службы «на господские праздники»⁹. В качестве дара, имевшего особое, исключительное значение в повести имел место дар папе от императора города Рима. Конечно же, еще в эпоху Возрождения идею «Константинова дара» вполне обоснованно и глубоко критиковал гуманист Лоренцо Валла. Но в данном случае имеет значение не подлинность или подложность Константинова дара как факта, но отражение его в литературном произведении, где выразилось представление русского средневекового общества о возможности дачи в дар земли и города, как это происходило в распространенной практике сеньориально-вассальных пожалований.

Такому представлению в целом соответствуют сведения о дарах на Руси домонгольского периода, содержащиеся в источниках. В первую очередь такими источниками являются летописи, в которых сведения о таких дарах даны достаточно подробно, поскольку в них содержится описание ситуации, которая привела к появлению таких даров.

Первые летописные сведения о дарах содержатся в рассказе о приеме императором Константином VII Багрянородным в Константинополе русского посольства во главе с княгиней Ольгой. Летопись отразила устное предание об этом посольстве¹⁰. Более сложную структуру рассказа о посольстве Ольги видел А. А. Шахматов. «Сказочные элементы проглядывают в отношении Ольги к царю, духовные – в отношении ее к патриарху»¹¹, – указывал он. В летописном рассказе дары императора русской княгине упомянуты после рассказа о ее крещении и после упоминания о том, как она «переклюкала» императора. Ольга, судя по рассказу, настолько понравилась императору Кон-

⁸ Там же. С. 210.

⁹ Там же. С.212.

¹⁰ *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 202. Поездка княгини Ольги в Константинополь относится к 957 г., но, по мнению Г. Г. Литаврина, она была в столице Византии в 946 г. См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 120-121.

¹¹ *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С.86.

стантину, что он «дасть ея дары многи: злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю и нарекъ ю дщерью себе»¹². Дары, полученные русской княгиней от императора, были в летописном рассказе весьма богаты. Получалась, таким образом, довольно стройная версия, согласно которой дары явились следствием двух обстоятельств. Во-первых, того, что Ольга очень понравилась ему благодаря тому, что он «видев ю добру сущю zelo лицемъ и смыслену»¹³, или благодаря ее красоте и уму. Во-вторых, благодаря тому, что она приняла крещение и приняла «имя ... во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина». Не помешало этому и то, что она императора «переклюкала»¹⁴, или перехитрила, когда, став духовной дочерью императора, нашла способ отказать ему на предложение брака с его стороны. И. Н. Данилевский обращал внимание на литературное происхождение этого рассказа, связав его происхождение с рассказом Третьей книги Царств о приезде царицы Савской к царю Соломону, когда царица была поражена мудростью Соломона и преподнесла ему богатые дары¹⁵, хотя в данном случае речь шла о дарах императора. Эта точка зрения выражена весьма убедительно. Но даже безусловное признание литературной основы данного повествования не исключает того, что в нем выражено представление о том, как могли одаривать друг друга императоры, цари и князья. Конкретные размеры вознаграждения, которое получила Ольга и члены ее посольства при императорском дворе, указывались Константином Багрянородным. Более глубоко и тонко характер полученного Ольгой и ее посольством вознаграждения при византийском дворе выразил Г. Г. Литаврин, указывавший, что это было подношение гостям в знак великодушия или расположения императора, но не дары¹⁶. Но в летописи подобная сложность по своей семантике византийских церемоний совершенно не принималась во внимание. Все, что получили при дворе члены посольства Ольги, воспринималось летописцем и ими самими как дар со стороны императорской власти.

Дальнейшее изложение в летописи отношений между императорским двором Константина VII и княгиней Ольгой свидетельствует о том, что не все было в них так благополучно, как это вытекало из по-

¹² ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 61.

¹³ Там же. Стб. 60.

¹⁴ Там же. Стб. 61.

¹⁵ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 160.

¹⁶ Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 202.

вестования о получении Ольгой даров от императора. Когда после возвращения Ольги в Киев император напомнил ей через своих послов о своих дарах, которых было «так много», и о том, что она обещала ему, что «многи дары прислю ти: челядь, воскъ и съкру, и вои въ помощь»¹⁷, Но об ответном даре Ольги в летописи не говорится. Упоминается же об ответе Ольги послам: «постоиши оу мене в Почаине, якоже азъ в Сюду, то тогда ти дамъ». Оказывается, что в летописи говорилось о недовольстве княгини приемом в Константинополе, хотя в той части летописного текста, где говорилось о пребывании Ольге в столице империи, ни о каком недовольстве русской стороны не говорилось. Причины недовольства связывались с долгим ожиданием приема при императорском дворе¹⁸. Об ответных дарах со стороны Ольги византийской стороне в летописи не говорилось. Говорилось только о том, что княгиня «отпусти слы, съ рекъши»¹⁹.

Таким образом, в летописном повествовании об отношениях между Ольгой и Константином VII имелось противоречие. Заключение оно в том, что рассказ о торжественном и почетном приеме Ольги в Константинополе и о получении ей даров от императора противоречил рассказу о холодном и даже оскорбительном приеме Ольгой императорских послов в Киеве, об отправке их в Константинополь без упоминания о даче им каких-либо даров от русской княгини. Относилось это также к ответным дарам самому императору. Связано это с тем, что общее повествование об отношениях Ольги с Константином VII строилось летописцем на основе разных источников. В основе «константинопольской» его части лежало предание, передававшее события в исключительно благоприятном для княгини духе. Оно было написано также в соответствии с ветхозаветным литературным образцом, которым являлась история о царе Соломоне и царице Савской. В основе же «киевской» части лежал иной источник, основанный на другом предании об Ольге. Явное противоречие между двумя преданиями летописца нисколько не смущало. Смысл рассказа о получении княгиней Ольгой даров от императора состоял в том, что в нем принявшая христианство княгиня ставилась настолько высоко, что на нее было обращено благосклонное внимание императорской власти.

Предание о полученных Ольгой дарах попало в летопись не случайно. В эпоху, когда в Киеве начиная со времени Ярослава Мудро-

¹⁷ Там же. Стб. 62-63.

¹⁸ *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 202. Перерыв между двумя приемами был значительный – 9 сентября и 18 октября. См.: там же. С. 200-201.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63.

го стали заявлять о месте Руси среди богоизбранных христианских стран наряду с Византией²⁰, когда стала складываться идея «Киев – новый Иерусалим»²¹, предание о пребывании Ольги в Константинополе, ставившее христианскую русскую княгиню рядом с византийским императором нашло свое место в летописном тексте. Оно в полной мере укладывалось в концепцию, выраженную еще в созданном в конце княжения Ярослава Мудрого «Слове о законе и благодати» Илариона и впервые обосновавшую идею богоизбранности христианской Руси наравне с Византией. Дары княгине Ольге со стороны императора являлись проявлением императорского признания первой русской христианской правительницы, а также наглядным выражением богоизбранности Руси, отмеченным в летописи.

Целый ряд казусов, связанных с дарами, относится к взаимоотношениям между отдельными русскими князьями на протяжении XII-XIII вв., а также между русскими князьями и половцами.

Краткое сообщение о дарах относится к 1138 г., когда между великим князем киевским Ярополком Мстиславичем и черниговским князем Всеволодом Ольговичем был заключен мир. Акция сопровождалась тем, что оба князя «дары многы межю собою даяше». Затем они разошлись «разно в своя си»²². Сообщение очень краткое. Судя по его содержанию, дары сопровождали и призваны были утвердить заключение мира между князьями.

Следующий случай имел место в 1160 г., когда 1 мая в черниговском городе Моравийске произошла встреча двух сильных князей – смоленского Ростислава Мстиславича и черниговского Святослава Ольговича. Летописное описание подает эту встречу как исключительно значимое и даже радостное для обеих сторон событие. Во время этой встречи Ростислав сделал прибывшему к нему черниговскому князю драгоценные дары, наделив его «соболми, и горностаями, и черными кунами, и песци, и белыми волкы, и рыбьими зубы». На другой день, 2 мая, уже Святослав, позвав «к себе на обедъ» смоленского князя, и ему были переданы ему в дар «пардусъ, и два коня борза оуковану седлу»²³. Взаимные дары были призваны подвести символиче-

²⁰ См.: *Корневский А. В.* Идея «византийского наследия» в русской религиозно-политической мысли XV-XVI вв.: Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1995. С. 10.

²¹ См.: *Данилевский И. Н.* Зарождение государственной идеологии в Древней Руси // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 152.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 306.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 504.

скую основу под укрепление черниговско-смоленских отношений. В таком укреплении были заинтересованы оба крупных политических центра раздробленной Руси в условиях усиления Владимиро-Суздальского княжества при Андрее Боголюбском, готовым заявлять претензии на первую роль в русских землях. В то же время дары по своему конкретному содержанию были призваны продемонстрировать могущество смоленского и черниговского князей. Так, дары, сделанные Ростиславом Мстиславичем, должны были наглядно доказать связь Смоленского княжества с северными землями с Новгородом и территорией Новгородской земли, откуда могли поступать в Смоленск меха и рыбий зуб. В самом деле, еще в 1158 г. новгородским князем стал сын Ростислава Святослав²⁴. Дары же, сделанные Святославом Ольговичем, должны были продемонстрировать традиционную связь Черниговского княжества с Половецкой степью. Из Степи поступали в Чернигов восточный «пардусь» и, возможно, «два коня борза». О способности половцев принимать участие в русских межкняжеских отношениях и в связанных с ними междоусобицах было на Руси хорошо известно еще со второй половины XI в. По существу, делая такие подарки, каждый князь демонстрировал свою политическую значимость и военную силу. Такой союз, скрепленный дарами, проявился в том же году, когда к Чернигову подошел двоюродный брат Святослава Ольговича, Изяслав Давыдович, «со всею силою Половецкою». И когда Святослав «посласта к Ростиславу помочи просяче», он такую помощь получил²⁵. По-видимому, на реальность этих даров указывает их набор. В самом деле, указания на меха и на «рыбий зуб» невозможно выводить из Священного Писания как из литературной матрицы. Следовательно, оно не может в данном случае выступать как литературная основа этого сообщения, в отличие от целого ряда других сообщений летописи, для которых их библейская или евангельская основа выступает вполне определенно.

Новые сведения о дарах, связанные с князем Ростиславом Мстиславичем, относятся к 1168 г., когда этот князь в конце лета пошел к Новгороду, на помощь своему сыну Святославу, поскольку, как оказалось, с ним «не добре живяху Новгородци». По пути, в черниговском городе Чечерске на Соже, он остановился у своего зятя, князя Олега Святославича, женатого на его дочери. Встреча Олегом отца происходила в родственной обстановке. Когда по прибытии отца «поя

²⁴ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая летопись. М., 2000. С. 217.

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 506.

Олег Ростислава на обедь, и бысть радость велика въ ть день межи и». По поводу даров в летописи говорилось, что сначала «Олегу же многы дары вдасть Ростиславу, и дочи ему вда многие дары». На другой день, «на оутрее», «възва Ростиславъ к себе Олга и дчерь, и паче болшими дарами оучредивъ всихъ, идее Смоленську»²⁶. С рассказом о дарах, которые давали друг другу Ростислав и Святослав в 1160 г., данный рассказ имеет сходство в том, что процедура дарения растягивалась на два дня. В первый день дарителем выступал один князь, а во второй он получал ответные дары. Отмечается также обстановка радостной встречи князей. Однако имеются существенные отличия. Так, в данном рассказе нет никаких сведений о том, что конкретно князья дарили друг другу. Кроме того, в 1168 г. прослеживается родственная основа этих даров. Акты дарения осуществлялись не только разными князьями, но ближайшими родственниками, отцом и сыном, и означали форму укрепления не только политических, но и родственных связей.

Следующее упоминание в летописи о дарах связано с рассказом о подготовке свадьбы и о самой свадьбе в 1187 г. между внуком смоленского князя Ростислава, Ростиславом Рюриковичем, и дочерью владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо Верхуславой. В этом рассказе дары упоминаются дважды. Первый раз относилось это к повествованию о посольстве, направленном отцом Ростислава, князем Рюриком, и возглавленном шурином Рюрика, туровским князем Глебом Юрьевичем. В посольстве сам Глеб и входившие в него бояре приехали со своими женами. После прибытия посольства в Суздаль Всеволод Большое Гнездо согласился на брак дочери с Ростиславом и дал приданого «по ней множество бещисла злата и сребра». Сами же «сваты» получили от владимиро-суздальского князя «велики дары». По поводу же свадьбы говорилось, что Рюрик устроил своему сыну такую «велми силноу свадбоу, ака же несть бывала в Роуси». В самом деле, на ней присутствовали «князи мнози, за 20 князей». Такая торжественная и богатая свадьба сопровождалась дарением. В летописи нет конкретного указания на дары, которые раздавались на свадьбе и которые были получены от Рюрика Ростиславиича. Было только сказано, что он «сносе же своеи даль многи дары и городъ Брягинь», а «свата и с бояры отпусти ко Всеволодоу в Соуждаль с великою честью и дары многими одаривъ»²⁷. Таким образом, своей снохе, Верхуславе, Рюрик давал город Брагин в пределах Киев-

²⁶ Там же. Стб. 528.

²⁷ Там же. Стб. 658.

ского княжества. Такой дар очень напоминал вассальную дачу, полученную от свекра как от сюзерена. И, кроме того, это единственный случай, когда передача города от вышестоящего князя к младшему представителю княжеского дома, в роли которого выступала в данном случае Верхуслава Всеволодовна, была отмечена в летописи. Это в полной мере соответствовало представлению об основах сеньориально-вассальных отношениях, когда дача вассалу со стороны сюзерена закрепляла верность и обеспечивала несение им службы сюзерену²⁸. Такие значительные дары свидетельствуют о том, насколько важны были для Рюрика Ростиславича как великого князя киевского прочные и надежные отношения со Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо. В том числе связано это было с тем, что в качестве великого князя киевского Рюрик Ростиславич был соправителем с другим великим киевским князем, Святославом Всеволодичем, и это могло укрепить его позиции в рамках данного дуумвирата.

Еще раз дары упоминались в связи с Рюриком Ростиславичем под 1195 г., когда сразу после смерти своего соправителя, Святослава Всеволодича, он пригласил к себе в Киев из Смоленска своего брата Давыда Ростиславича. Встреча братьев оказалась очень радостной и торжественной, и это было не случайно. Объяснялась она словами Рюрика, обращенными к брату, что они после смерти Святослава «остались старейши в Роусьской земле». Поэтому в Киеве у них должны были быть «доумы и о брати своеи о Володимере племени», причем предполагалось «все то оукончаеве»²⁹, то есть завершить встречу каким-то договором. Сначала на обеде у Рюрика он «даривъ дары многим» из людей князя Давыда и, конечно же, одаривал его самого. После этого Давыда позвал к себе на обед в Вышгород «сыновець его Ростиславъ Рюриковичъ» и «одаривъ дары многими». Затем к себе на обед позвал великого князя Давыд и «одаривъ ... брата своего Рюрика дарми многими оутпусти и». И, наконец, Давыд принимал в Киеве черных клобуков и, «одарив их дарми многими, и отпусти их». Рассказ о дарах во время пребывания князя Давыда в Киеве сопровождается кратким сообщением о том, как он давал обед, на котором присутствовали «монастыря вся», а затем князь «милостыню силноу раздава имъ», то есть монахам монастырей, «и нищимъ»³⁰. Рассказ о миро-

²⁸ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 58.

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 681.

³⁰ Там же. Стб. 682.

стыни князя Давыда поставлен в один ряд с сообщением о дарах. Следовательно, для летописца эти явления имели какой-то общий смысл, которым могло быть указание на княжескую щедрость и на его богатство и могущество, позволявшее ему дарить и подавать милостыню.

В 1228 г. дары закрепляли прекращение раздоров между великим князем владимирским Юрием Всеволодичем и его братьями Ярославом, Васильком, Всеволодом и Владимиром³¹. На праздник Рождества Богородицы, 8 сентября, князья собрались «оу священаго епископа Митрофана». Они были «весели, и одарены с мужи своими, и розъехашася»³² из Суздаля. Сообщение очень краткое. Но в нем очень хорошо виден смысл принесения даров. С их помощью не только предотвращалась усобица, но и утверждалось политическое единство владими́ро-суздальских князей. В данном случае заметно, что дары совершались в присутствии значительного духовного лица, епископа Митрофана, причем дары получали не только князья, но и их «мужи». Это свидетельствовало о том, что данной акции великий князь Юрий Всеволодич придавал очень большое значение как способу закрепления отношений со своими братьями.

Летописью отмечен случай, когда дары были связаны с русско-половецкими отношениями. По рассказу Новгородской Первой летописи, такой случай возник в отношениях между галицким князем Мстиславом Мстиславичем Удалым и его тестем, ханом Котянном. В 1223 г., после поражения от монголов, он пришел в Галич вместе с другими половецкими князьями к князю Мстиславу. Ему и «ко всемъ княземъ рускым» они «дары принесе многы: кони и вельблуды, и буволы и девкы, и одариша князеи русских»³³. После этого они просили оказать помощь против монголов. Такую помощь они получили, вместе с половцами русские князья вышли в степь и потерпели поражение на реке Калке. Смысл этих даров в том, что они должны были выступить дополнительным условием привлечения русских князей к совместным действиям против монголов наряду с родственными связями. Данное повествование, как и повествование об обмене дарами в 1160 г. между Ростиславом Мстиславичем и Святославом Ольговичем, содержит упоминание о составе даров. Дары половцев русским князьям напрямую определялись половецким образом жизни, распростра-

³¹ См.: Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович (1188-1238). Источниковедение, история, историография: Автореф. докт. дис. Ижевск, 2009. С. 31.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

³³ ПСРЛ. Т. 3. С. 265.

нением у них скотоводства и работорговли, при которой в числе даров могли приноситься люди, в данном случае «девкы».

Таким образом, в русской летописи зафиксирован ряд случаев, когда князья давали и получали дары. При описании их прослеживается определенная последовательность действий, что позволяет видеть в них признаки разработанной и закреплённой в обычае церемонии. Начиналось все с встречи князей и с совместного обеда. Сначала дар получал князь, который оказывался в гостях. В другой день уже получивший дар князь принимал своего дарителя и одаривал его, в полном соответствии с отмеченным А. Я. Гуревичем принципом «give and take» из раннего западноевропейского средневековья. Дары сопровождалось выражениями взаимной признательности. Как правило, содержание даров в летописном тексте не раскрывалось. Но в двух случаях, когда оно раскрывалось, дары оказывались связаны с географическим положением и особенностями культуры того сообщества, от которого выступал даритель. Проявлялось это в 1160 г. в дарах Ростислава Мстиславича и Святослава Ольговича, в 1223 г., накануне битвы на Калке, когда дарителями выступали половецкие князья, а получателями – князь Мстислав Мстиславич Удалой и русские князья. Дары получали не только князья, но и находящиеся с ними их люди, причем предоставление им даров являлось важной составной частью церемоний встречи и ее «подарочной» составляющей. Так было начиная с посольства княгини Ольги в Константинополь к императору Константину VII, когда при византийском дворе вознаграждались члены ее посольства. Дары являлись одним из элементов, которые способствовали укреплению отношений между князьями и, в отдельных случаях, проведению совместных политических и военных действий, закреплению межкняжеских союзов. Являясь характерным выражением культуры своего времени, дары в раннем русском средневековье имели, следовательно, большое общественно-политическое значение.

Использованная литература.

1. Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
2. Ветловская В. Е. Летописное осмысление пиров и дарений в свете фольклорных и этнографических данных // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып.10. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Межвузовский сборник под ред. проф. И. Я. Фроянова. К 80-летию проф. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
3. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970.
4. Данилевский И. Н. Зарождение государственной идеологии в Древней

- Руси // Ярослав Мудрый и его эпоха. М.: Индрик, 2008.
5. *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект пресс, 2004.
 6. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А.Мельниковой. М.: Логос, 1999.
 7. *Корневский А. В.* Идея «византийского наследия» в русской религиозно-политической мысли XV-XVI вв.: Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1995.
 8. *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович (1188-1238). Источниковедение, история, историография: Автореф. докт. дис. Ижевск, 2009.
 9. *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965.
 10. Повесть о новгородском белом клобуке // ПЛДР. Середина XVI века. М.: Художественная литература, 1985.
 11. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997.
 12. Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998.
 13. Новгородская Первая летопись / ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000.
 14. *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003.
 15. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
 16. *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2001.